

Гарипов Я. З., Нуруллина Р. В.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ УЧАЩИХСЯ МУСУЛЬМАНСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (часть 2)

ГАРИПОВ Ягфар Закирович - кандидат философских наук; доцент Камской Государственной инженерно-экономической академии, г. Набережные Челны. E-mail: tatgarip@mail.ru

НУРУЛЛИНА Роза Вагизовна - старший преподаватель Камской Государственной инженерно-экономической академии, г. Набережные Челны. E-mail: ernuru@yandex.ru

На основании данных социологического опроса учащихся медресе авторы исследуют особенности социализации мусульманской молодежи Татарстана. Ученые приходят к выводу, что основным каналом как обращения в ислам, так и социализации в целом вновь становится семья.

Ключевые слова: социализация, религиозная социализация, религиозность, ислам, медресе

Приволжский Федеральный округ - это регион тесного взаимодействия тюрко-мусульманской и славяно-христианской культур. Он является одним из самых густонаселенных, в то же время здесь самая низкая доля русских по сравнению с другими округами и здесь же проживает наибольшая часть татар РФ: почти три четверти татар России (73.2%). В совокупности русские и татары - это 82% населения ПФО, составляя соответственно 69% и 13%. В Татарстане по переписи 2002 г. татары составляют 52.9%, русские - 39.5% населения республики¹⁰.

Ряд авторов рассматривают религиозную идентичность в тесной взаимосвязи с этнонациональной. К примеру, исследование 2004 г. в Татарстане под руководством Е. А. Ходжаевой показало, что этническая идентичность определеннее выражена у более исламизированных групп татарской молодежи (почти 90%)¹¹. Данная ситуация в

¹⁰ Мусина Р. Н. Толерантность/интолерантность этноконфессиональных отношений в полиэтничном регионе // Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан: Сб. науч. статей / сост. и ред. Р.Н. Мусина, Л. В. Сагитова. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – 148 с.

¹¹ Ходжаева А.А., Шумилова Е.А. Типы религиозности татарской молодежи Республики Татарстан: по материалам массовых опросов первой половины 2000-х годов // Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан:

значительной мере характерна и для России в целом: «Нередко в сознании части респондентов конфессиональная самоидентификация выступает заместителем идентификации этнонациональной»¹².

Ориентация на сохранение религиозных традиций татар-мусульман, по мнению исследователей, также зачастую сочетается со стремлением членов родительской семьи сохранить этнические традиции и язык, что приводит к тому, что более исламизированная татарская молодежь чаще, чем другие общается дома на татарском языке. Опросы среди молодежи республики показали, что почти половина практикующих мусульман говорит дома только на татарском, и более одной трети - общается в кругу семьи и на русском и на татарском языках в равной степени. Ориентация на сохранение языка в семьях традиционных мусульман проявляется еще и в том, что они чаще отдают своих детей в школы с татарским языком обучения (39%). Авторы исследования считают, что наиболее подвержены процессу исламизации те молодые татары, семьи которых стараются сохранить язык и традиции татарского народа¹³.

Около 83% наших респондентов идентифицируют себя с татарским этносом. При этом исключительно свой родной язык используется в домашнем общении у 44.1% шакирдов-татар, преимущественно татарский - еще у 22.6%, в одинаковой степени татарский и русский - у 16.1%. Школьное образование в той или иной степени на родном языке получили более половины опрошенных татар (см. табл. 1). Эти данные в целом сопоставимы с приведенными выше, несмотря на то, что треть шакирдов-татар провели свои детские и школьные годы за пределами Республики Татарстан, часто в иноязычном окружении.

Таблица 1.

Языковые ориентации будущих шакирдов (татары), %

На каком языке	Вы говорите дома	Вы получили образование в школе
Только на татарском	44.1	15.3

Сб. науч. статей / сост. и ред. Р.Н. Мусина, Л.В. Сагитова. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – 148 с.

¹² Социология межэтнической толерантности / отв. ред Л.М. Дробижеева. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. – 222 с.

¹³ Ходжаева А.А., Шумилова Е.А. Типы религиозности татарской молодежи Республики Татарстан: по материалам массовых опросов первой половины 2000-х годов // Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан: Сб. науч. статей / сост. и ред. Р.Н. Мусина, Л.В. Сагитова. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – 148 с.

Преимущественно на татарском	22.6	13.1
В одинаковой степени на татарском и русском	16.1	24.1
Преимущественно на русском	12.6	21.0
Только на русском	3.5	24.6
Другое	1.1	2.0

Язык обучения в медресе также призван способствовать развитию чувства национального самосознания молодых мусульман. Половина респондентов указали, что имеет место обучение на татарском языке в той или иной степени. Тех, кто использует татарский язык в общении вне занятий, еще больше - 63.4%. Выбор языка преподавания, с точки зрения экспертов, обусловлен потребностями контингента: *Мы не недооцениваем татарский язык. Здесь учатся шакирды разных национальностей и из уважения к ним... Во-вторых, цель уроков - передать знания, надо, чтобы они понимали, используется способ более доступный. Третье - язык никак не связан с религией, если какой-то язык и связан с исламом, то это арабский* (интервью 6). Тем не менее для многих руководителей и преподавателей развитие татарского языка представляется в целом желательным: *Конечно, хотелось бы, чтобы в будущем наш университет, хотя бы на 50% вел преподавание на татарском. Об этом многие мечтают. И преподаватели и сотрудники* (интервью 3). *В планах - перейти преимущественно на татарский язык* (интервью 2). В некоторых медресе обучение ведется исключительно на татарском языке: *Они здесь (в нашем медресе) обучаются татарскому языку, пишут сочинения, читают художественную литературу, религиозную литературу... все (предметы) на татарском языке... у нас даже не только ребята из Татарстана, из Оренбурга, Якутии, Северной Осетии, Башкирии, Удмуртии, Кирова, Ульяновска... они все у нас учатся татарскому языку* (интервью 5)..

Данные опроса, проведенного ТГГПУ и РИУ, также подтверждают тот факт, что татарский и русский в качестве языков обучения одинаково распространены в исламских учебных заведениях Татарстана. Следует также отметить, что, по нашим данным, готовы обучаться преимущественно на татарском языке 67.9% шакирдов. Несмотря на это, тест Куна - Макпартленда свидетельствует, что этническая самоидентификация респондентов не сопоставима по своей значимости с конфессиональной. По частоте упоминаний она во многом уступает другим базовым идентичностям (мусульманин, член семьи, человек, индивид, личность, пол, занятие и т. п.).

В контексте этносоциологии в современном мусульманском сообществе региона можно выделить две основные группы. В первую входят национально ориентированные (для

которых религиозные и национальные традиции неразрывно связаны, а религия во многом является фактором сохранения национальной идентичности), во вторую - религиозно ориентированные (для них ислам - это прежде всего мировая религия, изначально не связанная с определенной национальной традицией, а если и связанная, то, скорее с арабской, чем с татарской). Существование второй группы обусловлено особенностями исламского возрождения в России начала 1990-х годов, когда в условиях утраты большей части собственных религиозных традиций важную роль сыграла деятельность иностранных миссионеров. Отношение учащихся к проблемам этнокультурного развития прогнозирует вероятный вектор этноконфессионального развития в регионе на ближайшие годы.

Позиция мусульманской молодежи по национальному вопросу довольно противоречива: 93% молодых мусульман считают, что ислам не акцентирует внимание на этнических различиях и должен быть единым для всех народов, столько же согласны с тем, что, общаясь с людьми, надо ориентироваться на их личные качества, а не на национальность. Но при этом 77.5% опрошенных отмечают, что всегда помнят о своей этнической принадлежности (т. е. национальная идентичность для них является значимой), 56.52% хотели бы воспитывать детей в традициях своей национальной культуры либо преимущественно национальной с использованием элементов русской и других культур. Аналогичная ситуация возникла при попытке выяснить отношение шакирдов к проблеме так называемого «русского» (т. е. русскоязычного) ислама.

Введение богослужения и проповеди на русском языке в некоторых мечетях республики, по мнению ряда представителей творческой татарской интеллигенции, может препятствовать процессу языкового и культурного возрождения татар и способствовать их дальнейшей ассимиляции. Часть мусульманского духовенства поддерживает данную точку зрения, другие (из числа «религиозно ориентированных») считают, что ислам прежде всего должен быть понятен и доступен, а третьи признают обоснованность и той, и другой позиции.

Ислам должен быть доступным. В обязанности служителей культа не входит сохранение татарского языка и культуры (интервью 2). В мечети, в которых проповедь идет только на татарском языке, молодежь не ходит или процент этой молодежи маленький. Более важное для нас - сохранять религию (интервью 4). Если мы (татары) будем в исламе, то сможем сохранить язык (интервью 5). С одной стороны нужно донести (учение ислама) до всех, а значительная доля тех же татар... не владеют татарским языком. С другой стороны у

молодежи не будет интереса к народному языку татарскому... поэтому надо выбирать более оптимальные пути (интервью 12).

Столь же неоднозначны и взгляды представителей учащейся молодежи: 86% считают, что в мечетях, которые посещают верующие разных национальностей, удобнее пользоваться русским языком в качестве языка межнационального общения. В то же время 64% находят использование татарского языка в мечетях Татарстана важным, так как мусульманская религия выступает культуuroобразующим фактором для татарской нации.

Сказанное позволяет сделать вывод: этническая составляющая в процессе социализации мусульманской молодежи, несомненно, детерминирует формирование и развитие религиозности, конфессионального самосознания и способствует повышению уровня конфессиональной социализированности индивида. Особую роль в этом процессе играет этноязыковая ориентированность семейной социализации. Но данная корреляция не является двусторонней, т. е. высокий уровень религиозности мусульманина сам по себе не является определяющим в развитии этнического самосознания и этнокультурной направленности личности. Неслучайно, по-видимому, в настоящее время предпринимаются усилия по возрождению национального богословского наследия. Активно издаются, переводятся, исследуются труды татарских мыслителей, ученых-теологов XVIII, XIX и начала XX веков.

Особенности этноконфессионального развития региона, а также определенной укорененности в общественном сознании проблемы религиозного экстремизма актуализировали изучение взглядов учащейся мусульманской молодежи на межнациональные и межрелигиозные отношения. Центральный блок вопросов в анкете шакирда был посвящен проблеме толерантности и их готовности к диалогу, к примеру: «Вам предстоит войти в контакт с совершенно незнакомым человеком. Как вы изначально настроены к нему?». Подавляющее большинство (87.1% опрошенных) настроены по отношению к людям доброжелательно или с любопытством, и это не случайно.

Ислам - прозелитическая религия, его распространение, призыв к вере (дагват) является важнейшим долгом истинного мусульманина, тем более представителя духовенства, поэтому общительность, доброжелательность, готовность к диалогу - необходимые качества для шакирда как будущего служителя религии. Поэтому более показательным нам представляется тот факт, что в круг друзей учащейся мусульманской молодежи входят люди разной национальности (35.1%) и разного мировоззрения (29.9%),

хотя почти четверть респондентов (23.4%) все же предпочитают преимущественно мусульман, поскольку с ними легче всего найти общий язык (50.7%).

Сопоставляя варианты ответов на два следующих вопроса («С кем Вам легче всего найти общий язык?» и «С кем Вам труднее найти общий язык?»), мы попытались уточнить факторы, облегчающие и затрудняющие контакты опрошенных. Эти вопросы, противоположные по смыслу, не столько дублируют, сколько дополняют друг друга, позволяя кроме всего прочего выявить и отсеять случайные ответы. К примеру, лишь 15.2% респондентов ответили, что легко находят общий язык с кем угодно, однако при этом треть молодых людей считают, что у них нет никаких проблем с общением (32.1%). Это кажущееся противоречие легко объяснить, если учесть 15.4% шакирдов, готовых свободно общаться со всеми гражданами России (россиянами), поскольку они никогда не сталкивались с иностранцами.

Как уже было отмечено, религиозная принадлежность влияет на круг общения, хотя и не в такой степени, как можно было предположить. Лишь 14.5% респондентов признались, что им трудно найти общий язык с представителями другой конфессии, один человек указал в этом качестве неверующих, а метод перекрестной типологии позволяет сократить эту цифру до 12.4%. Аналогично и национальная принадлежность, облегчая контакты в одних случаях, далеко не в той же мере затрудняет их при наличии противоположной ситуации. Достаточно значимыми факторами, влияющими на процесс общения молодых мусульман, являются также пол и возраст, вступающих в контакт, т.к. этика ислама строго регламентирует отношения как между мужчинами и женщинами, так и между представителями различных поколений.

В категории «другое» во множестве фигурируют личностные характеристики: вступать в контакт молодые люди предпочитают с «добрыми людьми», «простыми по характеру». В числе нежелательных качеств личности названы глупость, испорченность, необразованность, безнравственность, высокомерие, гордость и лицемерие. *(Трудно общаться) с теми, кто хочет быть современным, крутым и держать власть над людьми.* (Из анкеты шакирда). Нравственному аспекту в этом процессе отводится исключительно важное место.

В наименьшей степени шакирды придают значение материальному положению человека и его политическим взглядам. Об отношении молодых мусульман к материальным ценностям уже говорилось ранее, что же касается политических взглядов, то данный вопрос требует особого рассмотрения. В задачи исследования не входило выяснение конкретных

политических ориентаций шакирдов, а priori было сделано предположение, что преобладать будут исламские политические ценности (которые, впрочем, не следует смешивать с исламистскими). По этой же причине из интервью с преподавателями был исключен как некорректный вопрос: «Хотите ли Вы, чтобы весь мир стал мусульманским?». Истинный мусульманин не может этого не желать, вопрос лишь в том будет ли он к этому стремиться на практике, а если будет, то какими методами? Тем не менее степень включенности учащихся мусульманских учебных заведений Татарстана в политические процессы, их социальная активность и ее общая направленность представляют первоочередной научный и практический интерес.

Большая часть экспертов из числа преподавателей затруднились дать однозначный либо пространственный ответ на вопрос «В какой степени ваши студенты интересуются политикой?»: *Здесь все конкретно зависит от человека, некоторые интересуются, некоторые более замкнутые* (интервью 1). *Интересуются, активно участвуют в выборах* (интервью 4) и т. д. Этому может быть несколько объяснений: во-первых, слабая осведомленность преподавателей в данном вопросе; во-вторых, нежелание общаться с посторонними на достаточно «щекотливую», по мнению экспертов, тему; наконец, отсутствие реального интереса к политике как у преподавателей, так и у учащихся, ориентация в большей степени на интеллектуальные и духовно-нравственные аспекты ислама. Последнее представляется нежелательным, поскольку общество и государство заинтересованы в повышении уровня вовлеченности молодежи в социально полезные общественные и политические процессы.

Детальный анализ ответов шакирдов не подтверждает идею об их абсолютной и полной политической индифферентности. К примеру, среди видов общественной деятельности, в которых они хотели бы участвовать, фигурируют (хотя и не лидируют) национальные движения (14.7%), политические акции (9.0%), патриотические мероприятия (7.0%). Политические вопросы бывают в центре конфликтов, происходящих (иногда) в учебных группах (4.9% из числа ответивших на данный вопрос положительно), 3.3% респондентов испытывали несправедливое отношение к себе, связанное с их политическими взглядами, 13.1% молодых мусульман считают, что религия играет важную роль в политической жизни. Можно также отметить, что во время анкетирования учащимися-шакирдами нередко задавались «острые» вопросы на политические темы.

При этом политические интересы все же не являются доминирующим фактором в жизни учащихся мусульманских учебных заведений Татарстана, хотя их социальная активность в целом достаточно высока. Если всего 7% опрошенных указали, что не

интересуются общественной деятельностью, то остальные респонденты занимают в данном вопросе достаточно активную позицию, причем в наибольшей степени их интересует благотворительность (45.9%), экологические движения (22.4%), студенческое самоуправление (20.8%). Для сравнения: Институт развития образования в Липецкой области провел в 2002-2003 г. социологическое исследование среди старшеклассников общеобразовательных школ. В их ответах лидировали те же позиции.

Из других видов общественной деятельности, привлекающих внимание шакирдов (12.2%), можно выделить пропаганду ислама (*учусь для того, чтобы мои друзья приняли ислам, наставление на истинный путь, борьба с вахаббизмом и укрепление традиционного ислама*) и работу с молодежью (*поднятие духовности молодежи, призыв к нравственности*). Ввиду этого, из важнейших проблем современного российского общества респондентами прежде всего отмечена проблема нравственного воспитания молодежи (65.4%). Далее идут: проблема наркомании и пьянства (48.0%), низкая оплата труда (35.0%), проблемы социально незащищенных категорий населения (32.8%). Все это согласуется с данными исследования, проводившегося в 2004 г. Центром «Религия в современном обществе» Института комплексных социальных исследований РАН. Авторы приходят к аналогичным выводам: «что касается оценки конкретных направлений социальной деятельности религиозных организаций, то во всех конфессиональных группах первенство отдается духовно-нравственному воспитанию и работе в сфере милосердия и благотворительности»¹⁴.

Демографическую проблему только 10.8% респондентов включают в число наиболее важных, тем не менее трех, четырех и более детей планируют иметь 69.0% опрошенных, подтверждая тем самым взаимообусловленность религиозно-конфессиональной и семейно-репродуктивной социализации¹⁵. Только один респондент выразил желание иметь одного ребенка, еще один шакирд совсем не хочет иметь детей. Не случайно С. Хантингтон писал, что у мусульман в руках оружие XXI века - демография¹⁶. Также мало беспокоят мусульманскую молодежь проблемы обеспечения безопасности личности (7.0%) и равенства религий (12.6%). Это может трактоваться как свидетельство относительного благополучия

¹⁴ Гаврилов Ю.А., Кофанова Е.Н., Мчедлов М.П., Шевченко А.Г. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях. // Социс. – 2005. – № 6. – С. 48-50.

¹⁵ Фазулшина З.М. К проблеме семейно-репродуктивной социализации молодежи // «Власть, общество, личность»: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Н.Б. Барановой, Н.А. Володиной. – Пенза: РИО ПГСХА, 2007. – 199 с.

¹⁶ Звезда Поволжья. 7-13 августа 2008 г.

Татарстана и России в целом в указанных областях общественной жизни. Данные выводы косвенно подтверждаются ответами на вопрос анкеты «В чем, на Ваш взгляд, сегодня в России нарушаются права мусульман?»: лишь 4.5% респондентов считают, что в России нарушается принцип равенства религий.

Подавляющее большинство учащихся МУЗ (92.3%) являются татарами либо принадлежат к другим российским и зарубежным национальностям, традиционно исповедующим ислам. Их отношение к русским (православным) как к доминирующей этноконфессиональной группе в контексте межнациональных и межрелигиозных проблем имеет особую значимость. Для того, чтобы выяснить его характер, была предпринята попытка применения шкалы Богардуса (шкалы социальной дистанции). В качестве материала для сравнения использовались данные молодежного проекта, осуществленного в 2001 г. в РТ под руководством Р. Н. Мусиной. Выяснилось, что более 82% татарской и русской молодежи готовы видеть представителей контактируемого этноса в качестве коллеги, 75-80% - в соседском или дружеском общении, около 75% татар и русских вполне приемлют отношение дружбы с православными и мусульманами. В свою очередь, наш опрос показал: хотя близких друзей среди православных (русских) готова иметь лишь половина респондентов (48.4%), 74.6% из них готовы работать с христианами в одном коллективе, 85.9% - общаться с ними как с соседями и т. д. Можно констатировать, что уровень толерантности молодых мусульман в целом сопоставим с общим уровнем толерантности в регионе.

Отдельный вопрос - 10.6% шакирдов, не желающие жить с православными в одном городе. Более внимательный структурный анализ свидетельствует, что большая часть потенциально интолерантных респондентов (7.8% от общего числа опрошенных) провела свои детские и школьные годы в деревне или малом городе, ПГТ, райцентре, т. е. преимущественно в мононациональном окружении, при практически полном отсутствии русских. Такая, как ее можно обозначить, *стихийная* интолерантность порождена отсутствием опыта общения и, как правило, она проходит при наличии тесных контактов с представителями иной национальности и вероисповедания.

Религиозная толерантность как непредвзятое отношение к людям иной веры в настоящее время расширилась до толерантного отношения вообще к инакомыслящим, в том числе и неверующим или непрактикующим верующим, нас интересовало отношение представителей мусульманской молодежи не только к другим конфессиям, но и к представителям секулярной части общества. Доброжелательно и скорее доброжелательно

относятся примерно половина респондентов, безразлично - 17.5%, скорее отрицательно и отрицательно 25.8%. Испытывают по отношению к неверующим сочувствие 30.9% опрошенных, жалость - 30.2%, равнодушие - 10.4%, горечь - 14.4%, опасения и настороженность - 5.8%. Последнее, возможно, связано с тем, что пятая часть шакирдов в течение своей жизни сталкивались с несправедливым отношением по отношению к себе, связанным с их религиозными убеждениями.

В категории «другое» (3%) широкий спектр характеристик секулярного населения и отношения к ним: *адский гнев; не люблю за то, что не поклоняются Аллаху; есть милые люди, но их жаль за то, что они неверные; молюсь за них; от чистого сердца желаю, чтобы они были мусульманами; хочется вывести на правильный путь; им надо помочь познать Творца; я не обращаю на это внимание; не пришло время; мы тоже не с рождения одели платок; верующий человек или нет - я стараюсь на всех смотреть одинаково, Всевышний всех любит одинаково (и нас и их)* (из анкет).

При исследовании степени толерантности учащихся МУЗ нами была сделана попытка затронуть правовые аспекты данной проблемы. На вопрос «Соблюдаются ли по-Вашему в России права христиан?» большинство респондентов ответили, что соблюдаются, а на вопрос «Соблюдаются ли, по-Вашему, в России права мусульман?» - самым распространенным стал ответ «в чем-то соблюдаются, а в чем-то нет». Само по себе такое распределение ответов вполне предсказуемо и, в общем, представляет собой субъективную оценку ситуации (если опросить учащихся Казанской духовной семинарии, то, скорее всего, ответы будут «с точностью до наоборот»). Тем не менее эти данные в определенной степени позволяют оценить уровень социального самочувствия молодых мусульман в России.

В большей степени нас интересовали ответы на следующий вопрос: «В чем, по Вашему мнению, в России нарушаются права мусульман?». Несмотря на формулировку вопроса, отвечавшие на этот вопрос респонденты говорят о проблемах российских мусульман вообще. На первом месте - отсутствие возможности последовательно выполнять предписания ислама («поддержание религии в том виде, в котором она ниспослана»). Молодых людей беспокоит армия, поскольку там не созданы условия для мусульман (нет халяльной пищи, нет возможности совершать намаз и т. д.), девушки сетуют на то, что нельзя фотографироваться в платках, что дресс-код на многих предприятиях противоречит хиджабу. На работе мусульмане зачастую не имеют возможности совершать в положенное время намаз, в общественных местах нет мест для молитвы (вокзалы) и пр. На втором месте

недостаточно уважительное, предвзятое отношение к мусульманам, непонимание, чрезмерная подозрительность со стороны общества в целом.

Часть вопросов в анкете обусловлена стремлением исследовать конфликтный национальный и религиозный потенциал молодых мусульман. Половина респондентов считают, что в любых межнациональных спорах человек должен защищать интересы своей нации (52.0%), но при этом не согласны с тем, что национальная принадлежность всегда будет разъединять людей (73.2%). На вопрос «Каковы будут Ваши действия, если в том месте, где вы живете, произойдут столкновения на религиозной почве?» 47.2% респондентов ответили «Я сделаю все возможное, чтобы уговорить людей прекратить это», а еще 20.7% вообще не представляют себе подобной ситуации на месте своего проживания. Данные по Ставропольскому краю 2004 г. (опрашивалось секулярное население и представители религиозных общин различных конфессий): «Сделал бы все от меня зависящее, чтобы уговорить людей прекратить это» - 29%, «Вообще не представляю себе такой ситуации на месте своего проживания» - 20%. Но даже в этом случае авторы исследования трактовали ситуацию в регионе как достаточно благоприятную.

С целью определения наиболее значимых факторов, способствующих формированию толерантных отношений, была сделана попытка сравнительного анализа ответов двух наиболее удаленных групп респондентов - толерантных и интолерантных. Для выявления данных групп была использована Шкала социальных дистанций Богардуса. Однако при ее интерпретации возникли затруднения в трактовке позиций «Готовы ли Вы жениться на христианке (выйти замуж за христианина)», «Готовы ли Вы иметь близких родственников среди христиан». Шариат запрещает женщинам-мусульманкам выходить замуж за немусульман, поэтому свободу выбора в этом вопросе имеют, только мужчины. Но и здесь все не так просто. Мужчина-мусульманин может жениться на женщине-немусульманке, если она примет ислам.

В связи с этим, по нашему мнению, было бы неверным считать проявлением интолерантности отсутствие у мусульманина готовности вступить в брак с православным, то же можно сказать и о родственниках. Поэтому мы сочли целесообразным включить в число потенциально толерантных респондентов всех, кто готов иметь близких друзей среди христиан. Данная социальная дистанция представляется нам достаточно близкой. Таким образом, в группу *T* (толерантных) вошли шакирды, готовые иметь близких друзей среди православных русских (51.6%), а группа *I* (интолерантных) представлена респондентами не желающими жить с ними в одном городе (10.6%).

Анализ ряда вопросов косвенным образом подтверждает правильность выбора. Уровень готовности к диалогу выше у группы *T*: более, чем в 2 раза выше число тех, кто не имеет проблем с общением и легко находит общий язык с кем угодно. И наоборот, почти в 2 с половиной раза меньше тех, кто затрудняется найти общий язык с представителем другой конфессии, в 5 раз - с представителем другой национальности, в 2 раза - с человеком других политических взглядов. *T* более лояльно относятся также и к неверующим (доброжелательно, скорее доброжелательно, спокойно - 75.1% против 54.1% *И*). В круг друзей представителей группы *T* входят преимущественно люди разной национальности и разного мировоззрения (85.1%, у *И* этот показатель намного ниже - 48.4%). На тест Куна «Кто я?» - они в 2-3 раза чаще отвечают: «человек», «индивид», «личность», что свидетельствует об их склонности к рефлексии.

Как уже говорилось выше, среди представителей группы и преобладает «стихийная» интолерантность, которая во многом обусловлена формированием в мононациональной¹⁷ среде в небольших (преимущественно татарских) деревнях (группа *T* - 30.9%, группа *И* - 44.2%). В свою очередь, социализация в крупном городе благоприятно влияет на формирование толерантности (группа *T* - 32.6%, группа *И* - 19.2%). У представителей группы *T* несколько лучше материальное положение в семье (зажиточных и богатых 39.1%, тогда как среди *И* таких семей 32.1%), их родители более образованы (высшее образование встречается в 1.5-2 раза чаще), среди них больше представителей интеллигенции, руководителей, бизнесменов (отцов - в 2 раза, матерей - в 4 раза).

Тип семьи в целом не влияет на формирование толерантности/интолерантности, однако причиной изменений в семье у представителей группы *И* значительно чаще, чем у представителей группы *T* является развод родителей (57.1% - 72.3%, см. приложение 2). Среди интолерантных респондентов чаще встречаются представители многодетных семей (25%, у *T* - 19.9%) и одновременно, респонденты являющиеся единственным ребенком в семье (15.4%, у *T* - 7.5%). Группа *И* происходит из более религиозных семей, члены которых более ревностно выполняют религиозные предписания (35.3% выполняют все предписания, тогда как у *T* - таких 26.4%), чаще ходят в мечеть (исключение оставляют матери, поскольку в сельской местности женщины мечеть посещают редко). Однако именно представители группы *T* чаще признают, что на их мировоззрение в большой степени влияют семья и

¹⁷ Речь в данном случае идет именно о национальном, а не конфессиональном окружении, так как по мнению специалистов, современная татарская деревня не отличается высоким уровнем религиозности.

родственники (19%, в отличие от 12% у *И*). Можно предположить, что для формирования толерантности весьма значимо наличие близких доверительных отношений в семье.

Толерантные респонденты в целом старше, среди них чаще встречаются женщины (среди *И* мужчин более 90%), они более образованы, причем склонны получать светское образование. *Т* чаще приходят в ислам взрослыми: впервые осознали себя мусульманином будучи взрослым человеком 13.8% (среди *И* таких 5.8%), для них в большей мере характерен поисковый тип конверсии (10.5%, тогда как у группы *И* этот показатель намного меньше - 2.9%). Толерантные респонденты лучше учились в школе, чаще получали образование на русском языке, больше читают. *Т* меньше волнует национальный вопрос, т. к. среди них больше выросших в русскоязычной среде, но при этом они планируют воспитывать детей преимущественно на традициях татарской культуры (с использованием других культур - 18.4%, в группе *И* таких 9.1%). *Т* более ориентированы на татарский ислам, светскую культуру, западные ценности: примерно на 10% соответственно больше тех, кто считает, что мусульмане Татарстана отличаются от своих единоверцев в других регионах, что мусульмане должны быть сведущи в светской культуре, что западные ценности (демократия, права человека, плюрализм и гражданское общество) совместимы с исламом.

Поскольку толерантные респонденты - это в основном городские жители, сформировавшиеся в полиэтничном окружении, они чаще, чем интолерантные испытывают несправедливое отношение к себе, связанное с их религиозными убеждениями. Возможно, поэтому они в 2 раза чаще отвечают, что в случае межрелигиозных столкновений окажут поддержку своим единоверцам.

Интолерантные шакирды учатся в основном на первом и втором курсах, на старших курсах их количество уменьшается в 1.5-2 раза (по сравнению с толерантными). Среди увлечений в детстве и подростковом возрасте у них большую роль играют посещение мечети, беседы на религиозные темы, чтение мусульманской литературы (11.2%, 21.4% у группы *Т*, 17.1%, 36% у группы *И*), они больше занимаются спортом. *И* чаще предпочитают дружить с мусульманами и верующими других конфессий (33.9%, 11.3%, *Т* - 8.6%, 3.7%). Причиной конфликта в группе у них чаще бывают религиозные и социальные вопросы (33.3%, 15.2%, у *Т* - 22.4%, 6.2%). Среди *И* почти в три раза больше тех, кто считает, что в России соблюдаются права мусульман, что можно объяснить тем обстоятельством, что детские и школьные годы они провели преимущественно в моноэтническом окружении, а следовательно они менее информированы и более аполитичны. Тем не менее они чаще обвиняют власть и общество в антиисламских действиях. *И* более ориентированы на

профессиональную деятельность и на распространение ислама их меньше волнуют при этом материальные затруднения.

И в большей степени национально ориентированы, поскольку в их среде больше тех, кто учился в татарских школах, они чаще говорят на родном языке дома, в семье и в медресе вне занятий. Соответственно, *И* проще общаться с людьми своей национальности и земляками (соответственно, 18% и 14.5%, в отличие от группы *Т* - 9.9%, 10%), а труднее - с русскими и представителями других национальностей (21.8%, *Т* - 3.9%). Они чаще полагают, что общаясь с людьми нужно ориентироваться на национальную принадлежность человека, что в любых межнациональных спорах человек должен защищать интересы своей нации, что национальная принадлежность всегда будет разъединять людей, а надежным другом может быть только представитель своей нации.

Исследование позволило увидеть общую картину жизненных ценностей молодых мусульман Татарстана, в общих чертах проследить процесс конфессиональной социализации мусульманской молодежи, выявить некоторые его особенности и значимые факторы. Результаты опросов, при сопоставлении их с косвенными данными, позволяют сделать следующие выводы.

1. Среди представителей молодежи, выбирающей мусульманские учебные заведения Татарстана, преобладают юноши и девушки в возрасте от 14 до 23 лет, преимущественно татары, из благополучных (частью многодетных) семей, проживающие большей частью в Волго-Уральском регионе, как горожане, так и сельские жители в основном скромного достатка.

2. Выбор религиозного учебного заведения в условиях секулярно ориентированного общества определяется приоритетом духовных аргументов в становлении внутренней ценностной структуры личности. Главным условием принятия подобного решения является достаточно высокая степень конфессиональной социализации на предыдущих этапах ее (личности) формирования.

3. Исследование процесса конфессиональной социализации шакирдов показало, что наиболее распространенным является традиционный тип обращения в ислам. При этом значимым институтом социализации в настоящее время вновь становится родительская семья. Для молодежи старшего возраста, респондентов из секулярных

семей а также представителей немусульманских национальностей могут быть характерны интуитивный, поисковый и образцово-показательный типы обращения в ислам.

4. Для определенной части респондентов учеба в медресе не имеет профессиональной направленности, т. к. основным выступает получаемое одновременно светское образование. Хотя приоритетным направлением деятельности МУЗ является подготовка религиозных кадров, не менее важной задачей считается формирование нового поколения мусульманской интеллигенции, способного активно участвовать в становлении высоконравственного общества.

5. Общий культурный уровень мусульманских студентов, широта их социальных интересов, ценностные ориентации не выявили серьезных расхождений с общим уровнем и жизненными ценностями российской молодежи в целом. Отмечается большое разнообразие перспективных направлений социальной деятельности, в числе которых первенство отдается духовно-нравственному воспитанию и работе в сфере милосердия и благотворительности.

6. Этническая составляющая в семейной социализации молодого мусульманина детерминирует формирование и развитие религиозности и конфессионального самосознания. При этом высокий уровень конфессиональной социализированности татарской молодежи не является определяющим в развитии этнического самосознания и языковой культурной ориентации.

7. Уровень толерантности молодых мусульман Приволжского Федерального округа, степень их готовности к диалогу соответствует общему уровню межнациональных и межконфессиональных отношений в регионе, который характеризуется исследователями как достаточно гармоничный.

Литература:

1. Гаврилов Ю.А., Кофанова Е.Н., Мчедлов М.П., Шевченко А.Г. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях. // Социс. – 2005. – № 6. – С. 48-50.
2. Мусина Р. Н. Толерантность/интолерантность этноконфессиональных отношений в полиэтническом регионе // Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан: Сб. науч. статей / сост. и ред. Р.Н. Мусина, Л. В. Сагитова. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – 148 с.
3. Социология межэтнической толерантности / отв. ред Л.М. Дробижева. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. – 222 с.
4. Фазулшина З.М. К проблеме семейно-репродуктивной социализации молодежи // «Власть, общество, личность»: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Н.Б. Барановой, Н.А. Володиной. – Пенза: РИО ПГСХА, 2007. –199 с.
5. Ходжаева А.А., Шумилова Е.А. Типы религиозности татарской молодежи Республики Татарстан: по материалам массовых опросов первой половины 2000-х годов // Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан: Сб. науч. статей / сост. и ред. Р.Н. Мусина, Л.В. Сагитова. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – 148 с.